

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

26 февраля Москва хоронила Алексея Николаевича Толстого. Урна с прахом покойного после кремации была установлена в Малом зале Дома Союзов. На постаменте, среди цветов и венков, на пяти атласных подушках — орден и медали, которыми писатель был награжден правительством за выдающиеся заслуги перед Родиной. У подножья урны — обрамленный крепом портрет А. Н. Толстого.

С 11 часов утра перед урной с прахом писателя проходили трудящиеся столицы, ученые, писатели, артисты, рабочие московских предприятий, бойцы и офицеры Красной Армии.

Отдать последний долг выдающемуся художнику слова пришли мастера искусств. Они исполнили любимые произведения Алексея Николаевича. Заслуженная артистка РСФСР Максимова исполнила «Гусля» Шопена, народный артист СССР Козловский — бетховенскую «Смерть». С глубоким значением прозвучал финал патетической симфонии Чайковского, исполненный Государственным симфоническим оркестром СССР под управлением народного артиста РСФСР Голованова.

В почетном карауле сменяются представители партийных и советских организаций, фабрик и заводов Москвы, деятели литературы, науки и искусства. Почетный караул несут писатели Павлико, Маршак, Михалков, генерал-лейтенант Игнатьев, художники Соколов-Скаля, Кончаловский, народные артисты СССР Яблочкина, Пашенная, Турчанинова, заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Майский и другие.

В Малом зале Дома Союзов присутствуют члены дипломатического корпуса.

В 1 час 45 минут доступ посетителей в зал прекращается. В зале остаются члены правительственной комиссии по организации похорон, писатели, друзья и родственники покойного. В последнюю смену почетного караула становятся Н. М. Шверник, А. Я. Вышинский, Г. М. Попов, А. Ф. Горкин, Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, М. А. Шолохов, академик И. И. Мещанинов.

В 2 часа 15 минут члены комиссии по похоронам и тт. Шверник, Вышинский, Мещанинов выносят урну из Дома Союзов. На улице выстроился почетный воинский эскорт. Приспущено убитое крепкое знамя. Под звуки траурного марша процессия направляется к Ново-Девичьему кладбищу.

Траурный митинг на кладбище открыл тов. Г. М. Попов. Он представляет слово от Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) тов. Н. М. Швернику.

— Товарищи, наша страна понесла большую утрату, — говорит Н. М. Шверник, — смерть вырвала из наших рядов Алексея Николаевича Толстого — выдающегося русского писателя, талантливого художника слова, пламенного патриота социалистической Родины.

От нас ушел навсегда большой человек, занимавшийся разносторонней деятельностью. Он выполнял большую государственную и общественную работу. Алексей Николаевич Толстой — академик, член президиума Союза Советских писателей, депутат Верховного Совета СССР, член президиума Всесоюзного комитета, член Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецких захватчиков и их сообщников. Он обладал неиссякаемой энергией в работе и на все находил время.

Толстой был тесно связан с народом, со своими избирателями, он горячо отзывался на все просьбы, обращенные к нему, как к депутату Верховного Совета Союза ССР, и добивался быстрого их разрешения.

Он глубоко знал русский народ, верил в него, верил в его силу, сокрушающую немецких захватчиков, вероломно напавших на Советский Союз и тщетно пытавшихся покорить великий свободолюбивый советский народ.

Алексей Николаевич Толстой был пламенным борцом за счастье народа, за свободу и независимость Родины. Простыми, доступными для понимания широчайших масс, волнующими словами выразил он свою любовь к Родине. Он говорил: «В жизни нет горячее, глубже и священные чувства, чем любовь к тебе — Родине!»

Любя советскую Родину, он люто ненавидел ее врагов — немцев и не переставал говорить об этом. В период Отечественной войны Алексей Николаевич все силы своего таланта направляет на борьбу против немецкого напизма. Он беспощадно разоблачает кровавые преступления немецких захватчиков, поднимает всенародный гнев против немцев — убийц беззащитных людей, против немцев — душителей культуры и цивилизации. В своих статьях: «За Советскую Родину», «Москве угрожает враг», «Кровь народа», «Русские войны» он призывает народ к защите «Советской Родины — страны отцов и дедов, уготовленной для счастья сыновьям нашим и внукам».

Выполняя обязанности члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, Алексей Николаевич расследовал зверства немцев в Ставропольском крае. В статье «Коричневый дурман» он вскрыл омерзительные преступления немецких захватчиков, истреблявших тысячи женщин, детей, стариков. Сообщенными фактами о зверствах немецких захватчиков он глубоко возмущал советских людей и увеличил их ненависть к врагу. Заключительные слова статьи: «Горе тем немцам, кто теперь же, не откладывая на завтра, не отнесется к коричневому дурману», — прозвучали грозным предостережением. Красная Армия, Армия советского народа уже вступила на немецкую землю. Она несет возмездие немецким захватчикам.

Алексей Николаевич Толстой — выдающийся художник слова. Начал писать он в предреволюционные годы и скоро был отмечен Максимом Горьким как писатель, правдиво изображающий общественные явления. Он был верным продолжателем лучших традиций русской литературы, продолжателем дела выдающихся писателей, возмещавших своим талантом наш испорченный народ.

Творчество Алексея Толстого расцвело в советскую эпоху. Им созданы волнующие произведения, проникнутые безграничной любовью к Родине, человеку, правде. Своими талантливыми произведениями: «Хожение по мукам», в котором изумительно правдиво изображается эпоха революции и гражданской войны, историческое повествование «Хлеб» о героической обороне Царицына, организованной товарищем Сталиным и другими произведениями Толстой связал классическую литературу с литературой социалистического реализма.

Алексей Николаевич ушел от нас в дни величайших событий, когда наша советская страна одерживает над немецкими захватчиками победу за победой. Смерть обобвала его прекрасную жизнь, полную творческих замыслов. Ему не удалось дожить до дня торжества окончательной победы над немецкими захватчиками, в которую он верил всем своим сердцем, отдавая делу разгрома врага все свои силы и весь талант.

Память о выдающемся русском писателе, пламенном патриоте советской Родины Алексее Николаевиче Толстом всегда будет жить в нашем сердце.

С проникновенными речами на траурном митинге выступили председатель правления Союза Советских писателей Н. С. Тихонов, писатель-академик Михаил Шолохов, от работников искусств с речью выступил заслуженный артист РСФСР К. А. Зубов.

Траурный митинг окончен. Урна с прахом А. Н. Толстого опускается в могилу. Трехжды звучит прощальный салют. Траурную мелодию сменяют торжественные, утверждающие бессмертие того великого дела, которому была посвящена вся жизнь писателя, звуки Гимна Советского Союза.

Б. РОМАШОВ Язык литературы

Очень тяжело сознавать, что Алексей Толстой ушел среди нас. Это писатель огромной силы, богатырского размаха. Он шагнул в литературу какой-то своей, присущей только ему, Алексею Толстому, походкой. Когда думаешь о нем, вспоминаешь его могучую статью, его творческий размах, страстность его души, его юмор, смех, обличье, повадки, то, как умел он восторгаться, чем-нибудь или, что-нибудь от сердца ненавидеть (как ненавидел он фашистскую нечисть!), то невольно представляется он богатырем из былин. Вот уж подлинно русская в нем была сила, и ум природный, и глаз острый, и ухо до того чуткое к прекрасному нашему языку.

Алексей Толстой поднялся во весь свой могучий рост тогда, когда социалистическая революция разбудила народные силы. И чем дальше он шел, тем выше становилась его творения. Меньше было в нем озорства, собственного молодого года, и больше пылкого проникновения в глубину исторических событий.

Широкая эпичность его дарования не мешала ему быть бичующим страстным, когда он вместе с советскими войсками стал на защиту нашей родины.

В его статьях горячая ненависть к немцам бурлила с такой необычайной, с такой гордой силой. У народа учился Алексей Толстой и любить и ненавидеть. У народа учился он понимать и любить свою родину, и мысль его, обогащаясь знаниями, пленила своей первородной образностью, и слова его чудесного языка горели, как самцветы на солнце. Его живопись была прекрасна. Вот уж умел взмахнуть кистью и оживить всю картину. Недаром любил он говорить о том, что пусть мол, вещь, немного пождет, а потом вернешься к ней и снова ее «трюнешь». А как знал он язык народных и как чутко к нему прислушивался.

Помню, мы возвращались с Алексеем Николаевичем из Малого театра после чтения его пьесы. Читал он чудесно, с каким-то приподнятым и вместе с тем необычайно простым отношением к материалу. Была лунная ночь. Улица, охваченная туманом, тонула в полумраке теней.

Алексей Николаевич говорил о языке, о своей работе над «Иваном Грозным».

— Эта вещь далась нелегко, — рассказывал он, вспоминая, — долго бился над композицией. И впервые понял, как трудна драматическая форма. Писал пьесы с 1912 года, и писал обычно сразу, не задумываясь. Бывали неудачные, иные вовсе не шли. В рассказе и в романе не думаешь о композиции, вернее, она как-то иначе дается: все течет и не знаешь, чем кончится. А тут было очень мучительно. Чтобы был раскат после первой части, надо было придумать, что-нибудь, чтобы сразу взять в гору. Так возникла сцена Шуйского с Годуновым на мосту. А когда композиция ясна — все просто, писать диалоги не трудно. Главное, построить... Работал четыре месяца над этим.

Как сейчас помню его серьезное, удивительно серьезное лицо, освещенное лунным светом. И снова он думает встать.

В современной пьесе хочу передать больше мысли людей и работать над созданием языка. Создать язык... Разумеется, мы должны его создавать. Не такой, каким говорят — смесь газетного и бытового и часто без всякого содержания, а тот язык, которым можно было бы выразить очень серьезные и интересные мысли, близкие многим. Их некоторые люди еще не умеют выразить, а со сцены услышав, сказали бы: да, это то, о чем мы думаем. Так ведь и Шекспир делал. Надо создавать язык.

И он снова сосредоточился, а потом продолжал:

— Одно время казалось, что язык как бы застыл. Война сильно ускорила русскую речь. Ту речь, которая живет в народе, надо подхватить и создавать литературный язык. И как благодарен будет народ, как признателен за то, что будет создан новый язык в литературе, которым можно многое, очень глубокое и важное передать.

В этой беседе — одной из последних моих встреч с Алексеем Николаевичем — я почувствовал то заветное, что было у него на душе. Эти мысли он завещал нам.

Алексей ДИКИЙ

Незабываемый

Умер Алексей Николаевич Толстой... Болью сжалось сердце. Совсем немного не дождался он той победы, в которую верил и за которую боролся с первых же дней войны.

Алексей Николаевич неповторим и как писатель и как человек. Его искусство, блеск его таланта, дерзкого и безграничного, манера жить, любовь к жизни, к Родине, дышавший и чистый патриотизм его останутся навеки в памяти друзей, читателей, народа.

Удивительно, каким мягким и простым в обычной жизни был Алексей Николаевич: добродушный, ласковый и, детски доверчивый человек, ласковый, уютный. Таким, конечно, он был и в жизни, и в искусстве, но... тут в творчестве проявлялась та сложность глубоко одаренной натуры, какая свойственна нашему народу, ярким и цельным представителем которого он был во всех глубинах своего национального «я».

Алексей Николаевич Толстой — это талант, помноженный на знание, на высочайшую русскую культуру. В стремлении к высшим благородным целям он собран и мужествен. Он ломает все, что может стоять между ним и Родиной, между его искусством и его народом.

С какой болью за людей и с какой яростью и силой обрушивается он на язву человечества — гитлеризм. Это не гнев мелкого сознания. Это смертельная борьба до конца. Куда-то уходит и доброта, и простодушие. Собранность, мужество, воля! И тут же, рядом, его совершенно изумительный по теплоте и мягкости рассказ «Русский характер». Рассказ, трогательный и волнующий до слез.

Вот эти разные грани его сложной и богатой натуры, создали близкий нам образ писателя и человека, художника и гражданина.

Трудно сейчас назвать кого-либо из наших современников, кто так знал бы и любил русский язык, кто мог бы простыми средствами достигнуть в искусстве столь многого, как это умел и делал Алексей Николаевич. Все, чем богато творчество Алексея Николаевича Толстого — в художественной прозе, в театре, в публицистике — все отдало народу: все наше. Постараемся же достойно продолжать его славный путь.

Соболезнования по поводу смерти А. Н. Толстого

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) получило многочисленные телеграммы с выражением соболезнования по поводу смерти А. Н. Толстого.

От имени секции писателей при Лондонском обществе культурного сближения с Советским Союзом Джон Пристли пишет: «О кончине великого писателя Алексея Толстого буд скорбеть писатели всего мира». Редактор Англо-Советского журнала Джозеф Виверс, выражая глубокую печаль в связи с кончиной А. Толстого, замечает: «Английский перевод романа «Хожение по мукам» вышел в свет на этой неделе и был горячо встречен английскими читателями».

Посол Китая в СССР г. Фу Бинчян в обращении на имя председателя ВОКС пишет:

«Узнав о кончине выдающегося русского писателя А. Н. Толстого, которого знает и почитает вся китайская общественность, прошу принять от меня и всего состава Китайского Посольства выражения глубокой скорби по поводу тяжелой утраты, постигшей вашу страну».

Телеграммы с выражением соболезнования получены также из Англии от секретаря Пен-Клуба Херман Оулд, писательницы Сесиль Честерн и других.

(ТАСС).

НАСЛЕДНИК ВЕЛИКИХ

С. ДУРЫЛИН

Когда появились первые стихи, а затем и рассказы А. Н. Толстого, его фамилия воскресла перед читателем много дорогих воспоминаний из прошлого русской литературы.

«Новый Толстой, пишущий стихи!», — не преувеличил ли он другого Толстого и также Алексея? «Новый Толстой, пишущий рассказы о потомках Вронских и Левинских!» Не в его ли руках наследство другого Толстого — великого Льва?

Так гадали многие.

И в этих гаданиях была большая правда, но не та, которая мерещилась гадалкам. В молодости новый Толстой, Алексей Николаевич, действительно, зачитывался («Князем Серебряным» и балладами Толстого Алексея Константиновича, но написал он своего «Ивана Грозного», и тот ни в чем не похож, а вернее, во всем непохож на Иоанна Грозного, которого всю жизнь, в романе, трагедии и стихах, писал первый Алексей Толстой. Известно, как читал новый Толстой автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», но сколько ни облизывался с Л. Толстым в темах и литературных жанрах, он во всем и всегда, от «Детства Никиты» до «Хожения по мукам», оставался самим собой: был новый Толстой, со свежим и новым жизненным дыханием в мысли, чувстве, слове.

Но чем самостоятельнее был творческий почерк нового писателя, тем яснее становилось, что он — истинный наследник великих, что его творческое родословие, включая в себя двух Толстых, восходит от Лескова и Салтыкова до Тургенева и Пушкина.

Все творчество А. Толстого протекало в глубоком и широком русле основного великого потока русской литературы.

Поражает богатство, разносторонность, многоликость, многогранность, полнокрасочность этого творчества. Романист, драматург, поэт, публицист, политический трибун, военный корреспондент, киносценарист, писатель для детей...

Все это не исчерпывает творческой биографии А. Толстого, но свидетельствует о кипучей деятельности его писательской воли, о страстном подъеме творческого темперамента.

Если всмотреться пристально лишь в лицо романиста А. Толстого, мастера художественной прозы, то невозможно не подивиться той широкой

восприимчивости жизни, которая ему свойственна и которая так ярко выражена в многообразии литературных жанров, доступных его перу.

От новеллы — к эпосе, от лирики — к сатире, от «Сорочьих сказок» — к историческому роману, от «Хромого барина» — к «Петру Первому», от «Похожений Невзорова или Ибикуса» до величественного «Хожения по мукам» — таков почти необятный творческий размах А. Толстого. Удивительно ли, что этот реалист из реалистов захотел в конце концов быть и фантастом? Толстой написал «Аэлигу» и «Гиперболического инженера Гарина»: романы эти — фантастические, но что фантастического в том, что Толстой верил в реальность победы техники над мировыми просторами, а, главное, в реальность человеческого разума и воли, побеждающих неведомое и недоступное?

А. Н. Толстому, как многим из его великих предшественников, свойственна была неугаемая любовь к театру: драматург в нем рос одновременно с романистом, и в драматургии Толстой был так же неуемно жизнелюбив, разносторонне сложен, творчески неутомим, как в повествовательном искусстве.

Его первая пьеса «Насильники» («Лентяй») появилась одновременно с его первыми повестями. Это была яркая, сочная комедия, вышедшая из школы Островского и Салтыкова. За нею, вплоть до «Ивана Грозного» (1944 г.) последовали свыше двадцати пьес, из которых каждая своеобразием по жанру, своеобразна по драматургическим приемам.

В чудесной по свежести красок комедии «Касатки» — мягкий, слегка усмешливый юмор, и добрая теплота колорита, и угаданная лирика. А вскоре после мягкой и улыбающейся «Касатки» из-под пера А. Толстого вышли «Мракобесы» — бурный сатирический фарс на актуальную тогда тему «распутничества».

Какое обилие драматургических жанров! Какая подлинность, неслучайность творческого воображения! Какой размах в охвате жизни, истории, современности!

Только Октябрьская революция указала Толстому истинные масштабы его дарования: только в ее огромном творческом просторе

Толстой почувствовал подлинный простор для своего таланта.

То, что писал А. Толстой о Петре I, трудно назвать иначе, как огромное историческое полотно. Эпиграфом ко всей этой эпопее могли бы послужить слова Пушкина:

... в искушениях долгой кары,
Перетерев судоб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Роман-эпопея Толстого породил немало споров; были упреки в исторических неточностях, но не может быть спору о том, что Толстому удалось самое главное: передать железный ритм эпохи — в его романе слышны и удары тяжелого петрова молота, слышен и грозный звон булата, непобедимого оружия борьбы за новую Россию, выкованного Петром в его исторической кузнице.

Историческая эпопея Толстого обращена своим звучанием к настоящему, она зовет к будущему. О Петре, разрушителе старой, обетшальной Руси и о создателе новой России, Толстой пишет для нас, строителей новой жизни. Вышло так, что, уйдя от современности на два века назад, Толстой написал современнейшую книгу на историческую тему.

Сценический образ Петра давал писателю с трудом. Первая его пьеса о Петре носила характер разветвленного огромной темы.

Прошло немного лет, и из развалин этой пьесы возникла новая пьеса «Петр Первый» — бодрое, мужественное произведение о подвиге Петра во имя Родины. Пьеса кончается «спиром Петра Первого», кончается ликующими словами Петра: «В сей счастливый день окончания войны сенат даровал мне звание отца отечества. Суров я был с вами, дети мои. Не для себя я был суров, но дорога мне была Россия. Моими и вашими трудами увеличили мы наше отечество славою».

Образ Петра здесь — образ первого труженика среди полемичных труд обновлений родной страны. Спесь, как и в романе своем и в сценарии, А. Толстой доверяет мысль Пушкина:

То алмазник, то герой,
То мраморный, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Петр у Толстого — образ строителя новой жизни, плотника, трудящегося над зданием новой государственности.

Этот же образ поглощает все внимание А. Толстого в последнем его произведении — в драматической повести «Иван Грозный». Залогом до Петра Грозный делал дело петрово: «Коней наших будем поить в Варяжском море», — вот его мечта. «На суде спросят: дана была тебе власть и сила — устроил ты царство?» — вот о чем забота и исторический труд Грозного. Повесть Толстого кончается полными надежды словами Грозного: «Правда русская, родина человека».

В самом начале Великой Отечественной войны А. Толстой закончил свою трилогию «Хожение по мукам». Она писалась двадцать три года.

В эпопее участвуют многие сотни действующих лиц. Перечисление художественных образов, творческих приемов, жизненных стилей, руководящих идей, словесных пейзажей, жанров и портретов, включенных в эту книгу, потребовало бы многих десятков страниц.

Но можно сказать и очень кратко о том, что сделал Толстой в своей книге.

Во множестве образов «Хожения по мукам» он создал один образ. Великий и прекрасный образ Родины, в «муках» войны, революции и труда нашедшей счастье новой жизни, на радость всего человечества.

«Художник растет вместе со своим искусством. Его искусство растет вместе с тем народом, который он изображает».

Таким, по А. Толстому, закон жизни истинного художника и подлинного искусства.

Огромный, поистине гигантский труд русского народа в советскую эпоху полностью отразился и на роде такого чуткого, глубоко-народного, подлинно русского художника, каким является Алексей Николаевич Толстой.

От «Хожения по мукам» нетрудно отыскать страницы, главы, портреты, пейзажи, характеристики, в которых узнается перо того, кто написал «Детство Никиты» и «Хромого барина». Но перо это приобрело новую силу, простую ясность, мужественную меткость.

Всмотритесь, с какой ясностью и простой силой пишет А. Толстой портреты вождей народа в повести «Хлеб». Художник здесь поистине «вырос вместе со своим искусством», которое стало нужным его народу, как тот хлеб, о котором он писал так строго и правдиво в своей повести.

И самый язык А. Толстого — всегда живой, всегда чеканный, всегда выразительно-красочный — приобрел новую силу и вместе с нею монументальную простоту.

Не только Петра Первого, отдаленного от нас двумя столетиями, но и Ивана Грозного А. Толстой писал, не окуная своего пера в археологию, чужую язык. Ни пылинки древней книжности не пристало к перу А. Толстого. Язык его в речах о минувшем свеж, ясен так же, как тогда, когда речь идет о борьбе наших современников за хлеб для революции.

В феврале 1943 года, на совещании о детской книге, Алексей Толстой (сам — детский писатель, давший четыре прелестные «Сорочьи сказки» и пьесу-сказку «Золотой ключик») говорил:

«Патриотизм — это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше. Это — беззаветный, во имя Родины, тяжелый труд всего народа в дни войны. Это сознание, что русский должен победить немца. Это — сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с нею ее счастья и ее несчастных дней. Это любовь к русскому языку и ощущение его. Русский язык... ближе, чем все другие европейские языки, к разговорной народной речи... Почему так хорош и художественен язык народной речи? Потому что в народной речи живут и всегда действуют законы рождения языка. Наш литературный язык — молодежь, чем на Западе, и это наше счастье. Пускай у нас нет канонов, и это хорошо. Каждый писатель пусть пишет на языке своего внутреннего жеста».

«Внутренний жест» Алексея Толстого — это широкое приятное, радостное постижение родного народа, его жизни, истории и борьбы, это — любовь к Родине, пламенная, чистая, святая, свободная.

18 октября 1941 года — в день едва ли не самый трудный из пережитых советской страной, когда враг угрожал Москве, А. Толстой писал: «Родина моя, тебе выпало трудное испытание. Но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся в надеждах на светлое будущее».

Алексей Толстой был простым, достойным преемником творцов великой русской литературы — Горького, Чехова, Л. Толстого, Тургенева, Пушкина. Он несет в свое искусство то же «добро и красоту», которые «несет в своем сердце» его великая Година.